

И. А. ЧЕЛЫШЕВ

СССР — Франция: трудные годы, 1938–1941

<Фрагменты>

После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. и особенно договора о дружбе и границе 28 сентября советско-французские отношения, в первую очередь для Москвы, потеряли свое значение и шли на убыль.

Однако дипломатические отношения между Москвой и Парижем не были прерваны. Советское руководство, заинтересованное в укреплении связей с Германией, занимало по отношению к Франции и Англии почти враждебную позицию, возлагая на них ответственность за развязывание и продолжение начавшейся войны.

Французское правительство проявляло определенную сдержанность и старалось не обострять отношения с СССР. Париж внимательно следил за внешнеполитическим курсом СССР и, в первую очередь, за развитием советско-германских отношений.

Продвижение частей Красной Армии на польской территории и установление по всей линии фронта контакта с германскими войсками настоятельно требовало урегулирования многих вопросов между Москвой и Берлином, между командованием советскими и германскими войсками в Польше. 22 сентября было подписано германо-советское коммюнике, в котором говорилось, что германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями. Демаркационная линия проходила по рекам Писса, Нарев, Буг, Висла и Сан*. В этом документе, опубликованном в печати как

* Документы внешней политики (ДВП) СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 121.

в СССР, так и в Германии, открыто были определены границы «сферы интересов» СССР и Германии в Польше.

В политических кругах Парижа это сообщение было встречено довольно спокойно и даже по отношению к СССР благожелательно, Я. З. Суриц* телеграфировал в Москву, что многие политические деятели Франции считают, что демаркационная линия между советской и германской армиями «крайне выгодна для СССР, это «крупнейшая победа Москвы». Политические обозреватели отмечали, что Москва поставила под контроль советского оружия значительную часть Польши, где проживает 11 млн. населения. Красная Армия создала заслон «на ранее намечавшихся и наиболее вероятных путях гитлеровского наступления против СССР». Некоторые парижские политики полагали, что «СССР действительно и решительно свернул на путь защиты чисто национальных и имперских интересов России». Более того, делался вывод, что в будущем создавшаяся ситуация «может повернуться и своей выгодной стороной для Франции, создав, в частности, более прочную плотину против германизма»** <...>

Новая позиция советского правительства была подробно изложена в докладе председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова на сессии Верховного Совета 31 октября 1939 г. ...*** В его выступлении не было ни одного слова осуждения германской агрессии. Более того, агрессором, по его словам, стали Англия и Франция, которые не хотят прекращения бессмысленной войны под предлогом восстановления польского государства. Молотов взял под защиту идеологию гитлеризма, которую, по его словам, нельзя уничтожить силой. Советский нарком практически оправдывал ведение войны фашистской Германией, стремившейся лишь к тому, чтобы «разбить путы Версальского договора, творцами которого были Англия и Франция при активном участии Соединенных Штатов Америки». Война, которую ведут Англия и Франция, по мнению Молотова, может окончиться для них крахом, поскольку «смешно думать, что Германию с ее возросшей мощью можно «просто вывести из строя». Молотов подчеркнул, что ныне Германия «стремится к миру» и лишь Англия и Франция

* Посол СССР во Франции в 1937–1940 гг.

** ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 122–123.

*** Правда. 1939. 1 ноября. С. 1

противодействуют мирным устремлениям Гитлера. Нарком заявил, что война, которую ведут Англия и Франция не имеет реальных целей, поскольку о восстановлении старой Польши «не может быть и речи», вести «идеологическую войну» против гитлеризма преступно, а «борьба за демократию» является лишь фальшивым лозунгом. <...>

Речь Молотова на сессии Верховного Совета СССР широко комментировали на страницах французской печати, которая подчеркивала не только антипольскую, но и антифранцузскую и антианглийскую направленность советской политики.

Военный атташе Франции в Москве 5 ноября в своем до-несении в Париж, отметил главные моменты в речи Молотова как оправдание новой политики согласия России с Германией и осуждение внешнеполитического курса Франции и Англии. «Резюмируя речь Молотова, можно сказать, — писал генерал Палас, — что она искажает факты и пытается доказать неизбежность принципов внешней политики советского правительства в то время, когда Россия возвращается к империалистической политике времен царизма»*.

20 ноября в НКВД прибыло письмо Сурица из Парижа, в котором содержалась информация о реакции французских официальных кругов и общественности на доклад Молотова. С одной стороны, заявление наркома иностранных дел о верности СССР провозглашенному нейтралитету было встречено с удовлетворением. С другой стороны, широко высказывались тревожные мнения. Французы опасались, что Советский Союз будет не только стремиться закрепить свои завоевания в Польше и в Прибалтике, но и сможет содействовать развитию германской экспансии в сторону французских колониальных владений. Во французской прессе давались весьма противоречивые оценки советской политики... Общее мнение сводилось к тому, что советское правительство демонстрирует верность соглашениям с Германией и свое отрицательное отношение к политике Франции и Англии.

Любопытно, что германские власти оригинальным способом оценили эту сторону речи

Молотова. 23 ноября советское полпредство во Франции сообщило в НКВД, что 8 ноября ночью в предместьях Парижа

* Ibidem. P. 23.

с самолета были сброшены листовки, в которых содержались выдержки из речи Молотова от 31 октября. По утверждению французской печати, листовки были напечатаны в Берлине и сброшены над Парижем с германского самолета*. <...>

Французская дипломатия в определении своего курса по отношению к СССР, как можно судить по документам, преследовала две цели: не дать повода к усилению связей СССР с Германией, что могло бы привести к созданию советско-германского военно-политического союза, и не разрушить мостов с Москвой для того, чтобы использовать их в случае изменения внешнеполитического курса Советского Союза.

...Франсуа Левек приводит два документа, разработанные в отделе «Европа» политического департамента МИД Франции после заключения советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Первый документ датирован 30 сентября, второй — 1 октября 1939 г.

Авторы первого документа подчеркивали, что не следует считать создание военного союза между СССР и Германией свершившимся фактом и также признать вероятность агрессивных действий России против западных союзников. Советское правительство, указывалось в справке, не имеет оснований для денонсации франко-советского пакта о ненападении 1932 г., поскольку Франция, вступив в войну во имя защиты Польши, не совершила акта агрессии**.

Записка политического департамента от 1 октября дает более широкое толкование политики СССР и содержит рекомендации руководству МИД Франции по определению отношений к Советскому Союзу. В этом документе говорилось о тайных замыслах Кремля, определивших его курс на сближение с Германией. Подписывая советско-германский пакт о ненападении, Советский Союз имел целью толкнуть Германию на войну с англо-французским блоком и тем самым ослабить воюющие державы в ходе длительной войны. Используя возникшую ситуацию и соглашение с Германией, отмечалось в документе, СССР рассчитывал получить то, что он предполагал достигнуть в случае формирования франко-англо-русской антанты: присоединение Западной Белоруссии и Западной Украины, усиление своих по-

* Архив внешней политики (АВП) РФ. Ф. 0136. Оп. 16. Д. 951. Л. 31.

** Lévêque F. Les relations franco-soviétiques de mars à juin 1940. P. 54.

зиций на Балтике. Принимая эту точку зрения, считали авторы записки, следует признать, что какого-то «коренного поворота» в политике СССР не произошло: цели остались прежними, но были избраны другие пути для их достижения. В документе подчеркивалось, что Германия представляет для СССР основную опасность. Поэтому Москва не заинтересована в окончательной победе рейха над англо-французскими союзниками. Советский Союз оказывает Германии материальную помощь лишь для того, чтобы она имела возможность вести длительную войну. Но основная стратегическая цель СССР состоит в том, чтобы добиться поражения германских войск. <...>

В документе от 1 октября анализировалась реальная политика Москвы и решительно отвергалась возможность длительного военно-политического союза между Советским Союзом и фашистским рейхом. В свете этих основных выводов отдел «Европа» политического департамента МИД Франции предлагал руководству министерства укреплять отношения между Парижем и Москвой, дипломатическими путями противодействовать развитию советско-германских отношений. Учитывая, что Кремль, похоже, также заинтересован в сохранении связей с Францией, следует незамедлительно вернуть французского посла в Москву (Э. Наджиар покинул советскую столицу после заключения советско-германского договора о ненападении), что будет воспринято советским правительством как свидетельство доброжелательности Франции по отношению к СССР. <...>

В середине октября в Париже стало заметно намерение правительства «сохранить добрые отношения» с СССР. По информации Я. З. Сурица, французские официальные круги начали проявлять инициативу по восстановлению связей с Москвой. «По всеобщему убеждению, без поддержки СССР Гитлеру крышка, — писал в телеграмме в НКВД 21 октября полпред. — Обеспечить себе наш нейтралитет — это главная забота. Ради этого пойдут и на жертвы»*.

По сведениям, полученным советским полпредством в Париже, Р. Кулондр, ставший директором кабинета премьер-министра, в беседе с дипломатами отметил, что, с точки зрения интересов Москвы, заключение СССР договоров о взаимопомощи с Прибалтийскими государствами вполне оправдано. Генеральный

* ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 207–208.

секретарь МИД Франции А. Леже, который, как правило, не проявлял доброжелательного отношения к политике Советского Союза, на этот раз разделял мнение Кулондра.

В первой половине октября посол Франции в СССР Э. Наджар вернулся в Москву. Ознакомившись с обстановкой в столице Советского Союза, посол изложил свои взгляды на политику Кремля в письме на Кэ д'Орсе от 28 октября. «Совершенно очевидно, — писал французский дипломат, — что для нас выгодно восстановление Россией своих территориальных позиций в Европе, которые она занимала в 1914 г. и которые позволяли уравновешивать влияние Германии. Мы не должны оценивать нынешние события в духе того резонанса, который был вызван аморальным характером договора Гитлера со Сталиным и сенсационным продвижением Советов в Польше и в Прибалтике. Исходя из жизненных интересов Франции, мы не можем не учитывать, что существование на восточных границах рейха России, настойчиво возрождающей в своей внешней политике традиции старой империи, ... будет сдерживать Германию... Вхождение России в дела Европы, хотя и происшедшее в результате германо-советского сближения, наносит первый удар по программе безграничных завоеваний гитлеровского рейха»*.

До декабря 1939 г., то есть до начала советско-финляндской войны, несмотря на ввод советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию и усиление советского влияния в Прибалтике, в политических кругах Франции преобладало осторожное и взвешенное отношение к Советскому Союзу. «Зимняя война» в Финляндии коренным образом изменила внешнеполитический курс французского правительства по отношению к СССР. <...>

С началом советско-финляндской войны в политических кругах Франции стали заметны две тенденции в определении позиции правительства по отношению к СССР. Дипломаты на Кэ д'Орсе считали целесообразным проявить осторожность и выдержку и не демонстрировать Москве открыто враждебную политику, поскольку такой курс, по мнению аналитиков французского МИД, может привести к укреплению русско-германского альянса.

Вторая тенденция в политике Франции отвечала интересам французских правых консерваторов, для которых большевист-

* Lévêque F. Les relations franco-soviétiques de mars à juin 1940. P. 55–56.

ская Россия была «желанным противником». «Зимняя война» давала этим силам повод открыто проповедовать враждебный курс против СССР. Сталин для реакционеров был более опасным политиком, чем Гитлер, а война с Германией отходила как бы на второй план.

Следует признать, что яростная антисоветская кампания оказала сильное влияние на французское общественное мнение. Известный французский историк Р. Жиро¹ считает, что советско-финляндская война породила во Франции такую волну антисоветизма и антикоммунизма, что можно говорить о подлинной «холодной войне», которая продолжалась до фашистского нашествия на французскую землю в мае 1940 г. * <...>

Антисоветская и антикоммунистическая кампания во Франции достигла невиданных масштабов. На страницах французских газет раздавались призывы защищать «отважную маленькую Финляндию», ставшую «Фермопилами цивилизации», «наказать» Советский Союз. «Неописуемая буря охватила буржуазию. Дух крестового похода яростно охватил ее круги... Возник единый клич: война России! Миротвориво настроенные люди превратились в наиболее воинствующих. Тот, кто не хотел «умирать за Данциг», хотели «умереть за Хельсинки»... Это был момент, когда антикоммунистический бред достиг своей крайней степени и принял формы эпилепсии... В разгар войны с Германией идея германской опасности окончательно исчезла, и все мысли, вся ненависть, все неистовство были направлены против Москвы», — писал в своей книге «Французы, вот правда!» А. Кериллис**.

Французское правительство, заняв позицию в защиту Финляндии, рассматривало возможность разрыва дипломатических отношений с СССР. Подтверждением этим намерениям правительства можно было найти во французской прессе. Хорошо информированная газета «Тан» писала 7 января, что «дипломатические отношения между Россией и западными демократиями потеряли свое значение». В этот же день газета «Пари суар», выступавшая за разрыв дипломатических отношений с СССР, писала: «Закрыв полпредство на рю де Гренель, мы ударим по Гитлеру».

* Girault R. Les relations franco-soviétiques à la veille de la seconde guerre mondiale. Bilan des années 1937–1940 // Revue des études slaves. 1977. Т. 50. L. 3. P. 421.

** Kérillis A. Français, voici la vérité! New Jork, 1942. P. 102.

Французский посол в Москве Э. Наджиар, который никогда не проявлял себя как сторонник укрепления франко-советских связей, высказался за возможность разрыва дипломатических отношений с СССР. Советник премьер-министра по внешнеполитическим вопросам Ж. Даридан 13 декабря заявил, что это предложение «было одобрено французским правительством»*. 19 января в сенате выступил заместитель премьер-министра К. Шотан. Он обвинил Советский Союз в нападении на Польшу и Финляндию и заявил: «В свое время правительство примет решение по вопросу о взаимоотношениях с СССР»**.

В дипломатических кругах Франции вопрос о прекращении официальных отношений с СССР считали решенным. В Москве во французском посольстве приступили к уничтожению архивов. Сотрудникам было рекомендовано отправить во Францию женщин и детей***.

22 декабря в телеграмме НКВД Я. З. Суриц подчеркивал: «Кампания за разрыв отношений с нами более серьезна, чем я полагал. В парламентских кругах об этом говорят как о вероятности». По мнению полпреда, рост вражеского отношения к СССР вызван целым рядом факторов, которые активно пропагандировались прессой. В политических кругах почувствовали иллюзорность надежд, что советская политика может измениться и повернуться в сторону союзников. Кроме того, укрепилось убеждение, что советский нейтралитет прикрывает военное сотрудничество СССР с Германией, что война в Финляндии «ведется в контакте и в соответствии с планами Германии и вводит фактически СССР в круг воюющих против Антанты коалиции»****. <...>

Заявив о своей решительной поддержке Финляндии и взяв курс на обострение советско-французских отношений, правительство Даладье поощряло враждебные акции по отношению к СССР. В конце декабря 1939 г. были арестованы счета и ценности советского торгпредства в Париже на сумму 779 млн. франков⁵. <...>

* Villelume P.-M. Journal d'une défaite. P. 128.

** АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 6. Д. 67. Л. 33.

*** Центральный государственный архив РФ (ЦГА). Ф. 198. Оп. 2. Д. 496. Л. 163.

**** ДВП РФ. Т. 22. Кн. 2. С. 437–438.

***** Борисов Ю. В. СССР и Франция. 60 лет дипломатических отношений. М., 1984. С. 98.

Французское правительство, проводя по отношению к СССР недружественную, зачастую враждебную политику, все же считало целесообразным сохранять дипломатические отношения с Москвой. В одном из документов французского министерства иностранных дел от 8 декабря 1939 г. подчеркивалось, что правительство должно осудить советскую агрессию в Финляндии, но следует «соблюдать осторожность». Идти на разрыв с Россией, полагали авторы документа, означало бы содействовать интересам Германии*. Военный атташе Франции в СССР генерал Палас в своем донесении в Париж от 13 января рекомендовал французскому правительству не разрывать дипломатические отношения с СССР, считая такую акцию несвоевременной и опасной. Он считал целесообразным ограничиться энергичным давлением на Москву, демонстрируя решимость и силу англо-французских союзников**.

Москва также проявляла осторожность и осмотрительность. Советское правительство стремилось сохранить свой нейтралитет и не было заинтересовано в разрыве контактов с англо-французскими союзниками. Однако отношения с Францией были натянутыми. В конце 1939 г. и начале 1940 г. Москва предпочитала осуществлять связи с союзниками через Лондон.

Прекращение войны с Финляндией спутало карты англо-французских политиков. Французский историк Ги Росси-Ланди в своей книге о «странной войне» пишет, что разгром Польши — союзницы Франции фашистской Германией, с которой Франция находилась в состоянии войны, не вызвал во французских политических кругах большого волнения, тогда как окончание военного конфликта между СССР и Финляндией взволновало французских политиков и привело к падению правительства Э. Даладье***.

В связи с прекращением «зимней войны» во Франции разразился правительственный кризис. На секретных заседаниях сената и палаты депутатов правительство подверглось резкой критике за то, что оно не проявило достаточной активности в деле оказания помощи Финляндии, что Даладье «не ведет войну против Советского Союза»****. Сенатор Ш. Ребель заявил,

* Bédarida F. La stratégie secrète de la drôle de guerre. Paris, 1979. P. 191.

** ЦГА. Ф. 198. Оп. 2. Д. 496. Л. 164, 167–168.

*** Rossi-Landi G. La drôle de guerre. Paris, 1971. P. 47.

**** Azema J.-P. De Munich à la libération 1938–1944. Paris, 1979. P. 49.

что в Финляндии Франция потеряла «прекрасный и важный повод иметь новый театр военных действий». Сенатор А. Лодье считал, что Франция потерпела «моральное и дипломатическое поражение»*. Правый депутат Тиксье-Виньянкур на заседании палаты депутатов патетически воскликнул: «Франция проиграла в Финляндии не сражение, а целую кампанию»**. Бывший премьер-министр П. Фланден призвал усилить антисоветскую деятельность правительства. По его мнению, лояльное отношение к СССР лишает Францию «поддержки тех сил в мире, которые считают большевизм основным врагом»***.

Даладьё энергично оправдывался. Опровергая обвинения в недостаточной помощи Финляндии, премьер-министр заявил: «Франция оказалась впереди стран, которые направили материальную помощь Финляндии. Финнам было отправлено 175 самолетов, 496 артиллерийских орудий, 5000 ручных пулеметов, 400 морских мин, 200000 гранат, 20 миллионов патронов»****.

Оправдания не помогли, Э. Даладьё вынужден был уйти в отставку. «Я был опрокинут 20 марта 1940 г. потому, что, по мнению палаты депутатов, не сделал в пользу Финляндии тех усилий, которых она желала», — писал после войны Э. Даладьё*****.

<...>

В середине марта 1940 г. возник инцидент, который еще больше обострил отношения между Москвой и Парижем.

15 марта полпредство СССР во Франции отправило в Москву телеграмму за подписью

Я. З. Сурица. Это была поздравительная телеграмма в адрес правительства в связи с окончанием войны в Финляндии. В телеграмме говорилось: «Советская колония в Париже, собравшаяся по случаю заключения мирного договора с Финляндией, единодушно одобряет и горячо приветствует руководимую гениальным Сталиным мирную политику Советского Союза, которая обеспечивает безопасность Ленинграда и наших северо-западных границ. Благодаря мудрости советского правительства и нашей доблестной Красной Армии, планы англо-французских

* Rossi-Landi G. La drôle de guerre. P. 49.

** Michel H. La drôle de guerre. Paris, 1971. P. 230.

*** Ibidem. P. 231.

**** Annales de la chambre des députés. Débats parlementaires. Paris, 1940. P. 508.

***** Deladier. Réponse aux chefs communistes. Paris, 1946. P. 43.

поджигателей войны, которые старались разжечь очаг войны на северо-востоке Европы, снова потерпели неудачу. Советский Союз, главная надежда всех трудящихся, остается неприступной крепостью, о которую разобьются темные замыслы врагов социализма против трудящихся всего мира». Далее следовали здравицы в честь Сталина, Молотова, Ворошилова и Красной Армии*. <...>

Телеграмма Сурица послужила поводом для дипломатической конфронтации между Парижем и Москвой.

Французскими властями телеграмма была конфискована. <...>

Правительство Парижа воспользовалось этой телеграммой для того, чтобы продемонстрировать свою твердость по отношению к СССР. Незначительный инцидент был искусственно раздут до масштабов международного скандала. По этому поводу даже состоялись консультации между Парижем и Лондоном, и было получено согласие британского правительства на дипломатической демарш Франции в Москве. <...>

По указанию из Парижа поверенный в делах Франции Пайяр 19 марта на приеме в НКВД заявил наркому В. М. Молотову протест в связи с телеграммой Сурица. Он обратил внимание наркома на такие выражения как «планы англо-французских поджигателей войны», «темные замыслы врагов социализма» и подчеркнул, что французское правительство рассматривает передачу подобной телеграммы из-за указанных выражений как «недопустимое вмешательство во французскую политическую жизнь». Пайяр заявил, что своими действиями Суриц «лишил необходимого элемента корректности свои отношения с французским правительством» и не может более считаться «персоной грата». В связи с этим французский дипломат изложил просьбу французского правительства «положить конец миссии г-на Сурица при французском правительстве». Пайяр в конце своей речи подчеркнул, что речь не идет о пересмотре отношений между Францией и СССР, вопрос имеет персональный характер и касается лишь советского полпреда Сурица.

Молотов ответил, что заявление Пайяра принято к сведению, ответ будет дан французскому посольству позднее, после обсуждения этого вопроса в советском правительстве**.

* АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. Д. 339. Л. 4.

** АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. Д. 339. Л. 2–3.

Москва не хотела разрыва отношений с Францией. 26 марта заместитель наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовский передал временному поверенному в делах Франции Пайяру официальный ответ. Он заявил, что советское правительство не находит достаточных мотивов для того, чтобы французское правительство могло больше не считать Сурица «персоной грата» на основании телеграммы, в которой не содержится упоминание о французском правительстве. Однако поскольку Париж поставил в отношении Сурица формальный вотум недоверия, правительство СССР приняло решение освободить Сурица от обязанностей полномочного представителя Советского Союза во Франции.

Как видно, Москва проявила сдержанность. Военно-воздушный атташе Франции в Москве подполковник Люге в телеграмме в Париж сделал обоснованный вывод: «Дело Сурица положено в «ящик» как и дело об обыске в советском торгпредстве в Париже... Москва не хочет разрыва с Францией и Великобританией...».

Во Франции инцидент с телеграммой, получивший название «дело Сурица», был использован для раскручивания нового витка антисоветской истерии. И это не было случайностью. Именно в марте месяце активно разрабатывались планы нападения на СССР, а французская пресса готовила общественное мнение к конфликту с Советским Союзом. По словам Р. Жиро, «никогда еще война против СССР не была столь близка»**. 28 марта в газете «Тан» было опубликовано официальное сообщение о «деле Сурица». Редакция газеты, известная своей близостью к правительственным кругам, поместила обширные комментарии, которые по существу сводились к требованиям подлинного антикоммунистического крестового похода. «Тан» ставила вопрос об отзыве советского полпреда в общие рамки франко-советских отношений. «С этой точки зрения, — писала газета, — ситуация предельно проста. Мы находимся в состоянии войны с Германией, Россия — фактически союзник рейха. Никто не сомневается в существовании тесной солидарности между сталинским и гитлеровским режимами, ныне объединившийся «на жизнь и на смерть» в их общем деле порабощения Европы огнем и кровью... Россия — друг нашего врага, хотят этого или

* Lévêque F. Les relations franco-soviétiques de mars à juin 1940. P. 66.

** Girault R. Les relations franco-soviétiques après septembre 1938 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 17. No 1. Janvier-mars 1976. P. 36.

нет, является нашим врагом. И следует обращаться с ней как с врагом... Для этого надо кое-что другое, чем жалкое лукавство, которое вызвало отзыв советского посла в Париже в связи с конфиденциальной телеграммой».

Этот всплеск враждебности по отношению к СССР во французском общественном мнении, подогреваемый прессой, конечно, не был случайностью. Все «дело Сурица», безусловно, было начато по указанию самых высоких правительственных инстанций Франции.

Однако такая откровенная враждебная линия в отношениях с Россией вызвала возражение некоторых высокопоставленных чиновников министерства иностранных дел Франции, которые считали, что необходимо проводить во взаимоотношениях с СССР твердую, но в то же время гибкую политику. В служебной записке политического департамента МИД Франции от 20 марта 1940 г. подчеркивалось, что советско-германский пакт не создал подлинного союза между СССР и Германией, «Позиция Кремля, — писали авторы документа, — после подписания пакта о ненападении и вступления рейха в войну не отражает политику сближения с Берлином, а свидетельствует о желании использовать для своей выгоды определенное совпадение интересов СССР с Германией. Об этом достаточно убедительно свидетельствует вступление Красной Армии в Восточную Польшу. По отношению к СССР следует проводить жесткую политику с тем, чтобы не допустить трансформацию совпадения интересов этих двух стран в подлинный альянс»*.

29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР с докладом о внешней политике советского правительства выступил В. М. Молотов. Народный комиссар иностранных дел, представляя на ратификацию советско-финляндский мирный договор, осветил политику СССР и дал оценку военно-политической ситуации в Европе после прекращения войны в Финляндии. Нарком подчеркнул, что позиция Франции и Англии по отношению к СССР в период войны с Финляндией, объясняется совсем не защитой малых народов и не защитой прав членов Лиги наций. Поддержка правительства Хельсинки объясняется тем, что «в Финляндии у них был готовый военный плацдарм на случай нападения на СССР». Молотов подчеркнул незыблемость политики СССР,

* Lévêque F. Les relations franco-soviétiques de mars à juin 1940. P. 14.

который строго сохраняет позиции нейтралитета в войне. Нарком иностранных дел коснулся также создания на Ближнем Востоке группировки англо-французских войск. «Мы должны быть бдительными в отношении попыток использования этих... войск во враждебных Советскому Союзу целях. Всякие попытки такого рода вызвали бы с нашей стороны ответные меры против агрессоров, причем опасность такой игры с огнем должна быть совершенно очевидна для враждебных СССР держав и для тех из наших соседей, кто окажется орудием этой агрессивной политики против СССР»*.

Речь В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР стала предметом внимательного анализа французских дипломатов в Москве. Поверенный в делах Франции в СССР Ж. Пайяр в своем донесении в Париж отметил, что, несмотря на обычную фразеологию советских лидеров об англо-французском империализме, в речи наркома иностранных дел можно заметить некоторые новые нюансы, отражающие сущность внешней политики СССР. Пайяр подчеркивает, что Молотов проявил определенную сдержанность в оценке политики Парижа и Лондона и в то же время воздерживался от одобрения политики Берлина. По мнению французского дипломата, советское правительство считает главной задачей обеспечение своих собственных интересов и в первую очередь — нейтралитета. <...>

...Правительство П. Рейно не внесло изменений в политику Парижа в отношении Советского Союза. Декларируя свои намерения вести решительную борьбу с Германией, новый премьер-министр не отказался от планов военных акций против СССР.

Ухудшение советско-французских отношений привело к свертыванию дипломатических связей между СССР и Францией. В феврале 1940 г. французский посол отбыл из Москвы в «отпуск». Во главе французского посольства остался поверенный в делах Франции Ж. Пайяр.

После отъезда из Парижа по настоянию французской стороны полномочного постоянного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица состав советского полпредства сокращался. Были отозваны в Москву советник полпредства П. Крапивицкий и первый секретарь Н. Бирюков. Временным поверенным в делах СССР во Франции стал второй секретарь полпредства

* Известия. 1940. 30 марта. С. 1.

Н. Н. Иванов, которому выпала трудная задача решать дела советского представительства в период разгрома французской армии, капитуляции Франции и становления режима Виши... Во главе советского полпредства в Париже оказался молодой (по опыту работы), недостаточно подготовленный дипломат. Такое назначение свидетельствовало, что Москва перестала считать советско-французские отношения приоритетным направлением во внешней политике СССР. <...>

В 5 часов 35 минут 10 мая 1940 г. войска вермахта начали вторжение в Голландию, Бельгию и Люксембург. Германская авиация нанесла массированные удары по аэродромам, командным пунктам, складам Голландии, Бельгии и Франции. <...>

10 июня [1940 г.] Ш. де Голль в своих мемуарах назвал «днем агонии». В этот день в войну против Франции и Англии вступила Италия. Муссолини боялся опоздать к дележу добычи и дождался момента, когда Франция оказалась на пороге полного разгрома.

Правительство П. Рейно покинуло Париж и направилось в город Бордо, который в 1871 г. был прибежищем французских министров. Положение во французском правительстве было сложное, единство среди министров отсутствовало. Премьер-министр П. Рейно колебался и не проявлял решительности. Сторонником продолжения войны был заместитель министра обороны Шарль де Голль, но он, недавно получивший временное звание бригадного генерала, командуя танковой дивизией в боях на Сомме, не имел достаточного влияния. Все большую силу приобретала группа капитулянтов, в которую входили маршал Петен, генерал Вейган, видные политические деятели П. Лаваль, К. Шотан, П. Бодуэн и другие. Эти политики считали, что Франция, потерпев поражение, не должна связывать себя союзом с Англией, а идти на перемирие с Германией и постараться занять достойное место в «новом порядке» в Европе. <...>

11 и 12 июня в Бриаре проходили заседания верховного совета союзников. Продолжительная дискуссия не привела к какому-то согласованному решению. У. Черчилль... говорил, что победа будет на стороне союзников, но Франция должна продолжать борьбу, чтобы выиграть время. Однако он не дал согласие на использование британской авиации в сражениях во Франции. «На этом заседании, — писал в своих мемуарах генерал де Голль, — открыто столкнулись взгляды и настроения, которые должны были характеризовать новую фазу войны. Все

принципы, на которых строились до сих пор действия и взаимоотношения, отошли в прошлое. Англо-французская солидарность, мощь французской армии, авторитет правительства, доверие к командованию уже не могли служить оправдательными моментами. Каждый из участников совещания отныне действовал не в качестве партнера в игре, которая ведется сообща, а как человек, ориентирующийся только на себя и ведущий игру в своих личных интересах*. <...>

16 июня... Черчилль сообщил Рейно, что правительство Великобритании дает согласие на переговоры Франции с Германией о перемирии...**. <...>

Ухудшившееся военно-политическое положение Франции побуждало премьер-министра не только оказывать давление на Лондон в надежде получить большую военную помощь Англии, но искать поддержки в США и Советском Союзе. П. Рейно понимал, что напряжение, возникшее во франко-советских отношениях в период странной войны, осложняет инициативу французской дипломатии по налаживанию контактов с Москвой.

Кремль, безусловно, внимательно следил за развитием боевых действий во Франции. Связанное советско-германским договором о ненападении и заинтересованное в сохранении экономических отношений с фашистским рейхом, правительство СССР занимало осторожную позицию. Советская пресса благожелательно по отношению к Германии комментировала ход боевых действий во Франции.

11 мая центральные советские газеты поместили информацию о начавшемся наступлении вермахта на германо-французском фронте. Был опубликован меморандум германского правительства, в котором вторжение немецко-фашистских войск в Бельгию и Голландию оправдывалось необходимостью пресечь антигерманскую политику Брюсселя и Гааги, а также предупредить вторжение англо-французских войск через бельгийскую и голландскую территорию в Германию. От каких-либо комментариев этого заявления Берлина редакции газет воздержались.

16 мая передовая газеты «Правда» была озаглавлена «Новый этап войны в Западной Европе». Газета подчеркивала, что речь идет о «серьезнейшем наступлении германских войск». Авторы

* Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. I. М., 1957. С. 91.

** Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1951. Т. 2. С. 198.

редакционной статьи возлагали ответственность за усилившийся пожар войны в Европе на англо-французскую коалицию. В газете утверждалось, что «вовлечение Голландии и Бельгии в войну против Германии уже давно входило в планы англо-французского блока», а правящие круги этих стран «сочувственно» относились к этим планам. Германия, начав наступление, осуществляет «контрмеры против планов англо-французского блока». «Правда» не отметила, что правительства Брюсселя и Гааги строго соблюдали нейтралитет и что этот нейтралитет был нарушен Германией.

Однако западные политические наблюдатели и дипломаты отмечали, что позиция Москвы не означает безусловной поддержки Германии, что победы вермахта во Франции осложняют положение России в Европе. Информация, поступающая в Париж от французских представителей за рубежом, порождала надежды в правящих кругах Франции в возможности каких-то изменений во внешнеполитическом курсе СССР. 22 мая поверенный в делах Франции Ж. Пайяр сообщил в Париж, что военные успехи вермахта во Франции и тяжелое положение западных союзников вызывают беспокойство советского руководства. «Сталин делал ставку на длительную войну, которая могла бы ослабить воюющие державы и тем самым усилить относительную мощь Советов. Он больше всего опасался быстрой победы Германии, в результате которой СССР остался бы один на один с недостаточно ослабленным рейхом». <...>

Французское правительство, получив сведения из Лондона, что Черчилль принял решение направить в Москву Ст. Криппса послом с «особой миссией», расценило этот шаг как желание английского правительства установить более тесные контакты с Советским Союзом. Вероятно, эти известия усилили иллюзии французских лидеров на возможность получения поддержки со стороны СССР.

Идею о необходимости получения помощи от СССР поддерживали некоторые члены правительства. По свидетельству И. Эренбурга, который находился в Париже и имел обширные знакомства, к нему 24 мая обратился министр общественных работ А. де Монзи и попросил довести до сведения Москвы желание французских правящих кругов получить помощь из СССР. «Если русские нам дадут самолеты, мы сможем выстоять. Неужели Советский Союз выиграет от разгрома Франции?» — говорил фран-

цузский министр. И. Эренбург сообщил о состоявшемся разговоре временному поверенному в делах СССР Н. Н. Иванову*. <...>

30 мая П. Рейно принимает решение назначить послом Франции в СССР вместо отбывшего из Москвы в феврале 1940 г. в «отпуск» Э. Наджиара, генерального резидента Франции в Тунисе известного дипломата Эрика Лабонна².

Лабонн хорошо знал Россию и Советский Союз. Еще в 1905 г., совсем молодым журналистом, он был военным корреспондентом на русско-японском фронте в Маньчжурии. В 1913 г. проходил стажировку дипломата во французском консульстве в Москве. В годы первой мировой войны выполнял обязанности офицера связи французского командования в штабе русской бригады во Франции. В ноябре 1917 г. находился в России в качестве заместителя консула Франции. После восстановления дипломатических отношений между Францией и СССР Э. Лабонн был советником французского посольства в Москве.

В инструкции, разработанной во французском министерстве иностранных дел для нового посла в Советском Союзе, подчеркивались трудности, с которыми придется встретиться Лабонну, поскольку отношения между Францией и СССР приняли натянутый характер. Послу следует учитывать опасения советских лидеров. Одержав победу над Францией, германский рейх предпримет агрессию против СССР. Поэтому можно предположить, говорилось в инструкции, что Советский Союз заинтересован в изменении соотношения сил между Германией и англо-французской коалицией. Однако не следует надеяться на быстрый поворот в политике СССР в сторону западных союзников. В рекомендациях новому послу говорилось, что советские дипломаты будут вести обмен мнениями по политическим проблемам только в том случае, если представители Франции и Англии не будут ставить под сомнение территориальные и политические достижения СССР в Восточной Европе, в том числе в Западной Украине и Западной Белоруссии, на Балтике. Франция также готова поддержать Советский Союз на Балканах**. Судя по этому документу, французский МИД считал целесообразным признать геополитические интересы СССР. 12 июня Э. Лабонн прибыл в Москву, и уже 14 июня был принят народным комис-

* Эренбург И. Собр. соч. Т. 9. М., 1966. С. 245–246.

** Lévêque F. Les relations franco-soviétiques de mars à juin 1940. P. 104–105.

саром иностранных дел СССР В. М. Молотовым. В соответствии с инструкцией, полученной в МИД Франции, новый посол проинформировал наркома о военно-политическом положении франко-английской коалиции. <...>

Молотов не мог и не считал, вероятно, необходимым рассматривать вопрос о помощи

Франции, когда ее вооруженные силы были на пороге сокрушительного разгрома. Молотов заявил, что «позиция Советского Союза определяется договорами, заключенными с другими странами, и политикой нейтралитета, о которой было заявлено в начале европейской войны», дав понять таким образом намерение Москвы не выходить за рамки советско-германского пакта о ненападении*.

Конечно, советское руководство не было заинтересовано в быстром разгроме Франции, поскольку опасность германского нашествия на земли СССР в этом случае возрастала. Но официально Кремль демонстрировал свою полную лояльность с Берлином, приверженность к «советско-германской дружбе». <...>

16 июня правительство П. Рейно ушло в отставку. В ночь на 17 июня маршал Петен сформировал правительство. <...>

После непродолжительной дискуссии 22 июня в 18 часов 42 минуты условия перемирия между Францией и Германией были подписаны. 24 июня на вилле Инчиза в окрестностях Рима был подписан документ о перемирии между Францией и Италией.

25 июня в 1 час 15 мин. военные действия во Франции были прекращены. <...>

Основным принципом деятельности правительства Петена в политической, экономической и военно-стратегической областях был принцип сотрудничества, или, как его стали называть «коллорабационизма», побежденной Франции с победившей Германией. Такое сотрудничество не могло быть равноправным. Но петеновцы соглашались играть во франко-германских отношениях подчиненную, второстепенную роль. Установки Петена и его окружения исходили из, казалось бы, вполне обоснованного предположения, что Германия не только разгромила Францию, но в недалеком будущем одержит победу над Англией. Советский Союз будет или сломлен военной силой, или же станет сателлитом гитлеровского рейха и не сможет воспрепятствовать установленной гегемонии Германии в Европе. <...>

* ДВП РФ. Т. 23. Кн. I. С. 342–345.

Капитуляция Франции осложнила советско-французские отношения. С одной стороны, Франция потеряла ранг великой державы и практически не могла оказывать какого-либо действительного влияния на развитие международных отношений в Европе. Но, с другой стороны, правительство Петена было сформировано формально с соблюдением законных форм... Для советского руководства не могло быть и речи о непризнании новой власти во Франции, тем более, что режим Виши возник с согласия и при содействии Германии, с которой Советский Союз имел «дружеские отношения».

Советско-французские связи во многом потеряли свое былое политическое и экономическое значение. Но как Москва, так и Виши считали целесообразным сохранять дипломатические отношения. Конечно, тенденция к сближению проявилась не сразу же после поражения Франции.

Москва понимала, что Франция в результате поражения ослаблена политически и экономически. Но ее невозможно вычеркнуть из числа европейских держав. В будущем Франция возможно будет играть значительную роль в реконструкции Европы. Кроме этих стратегических расчетов правительство СССР было заинтересовано в сохранении контактов с Виши и по другим мотивам. В своих воспоминаниях А. Е. Богомолов отмечает, что советское полпредство в Виши имело возможность получать информацию о политической линии французского правительства, находившегося в тылу гитлеровской Германии и официально проводившего политику сотрудничества с немцами*.

Деятельность советского полпредства распространялась как на «свободную зону» (территорию под управлением правительства Виши), так и на оккупированную германскими войсками территорию Франции. Безусловно, политическое и военное руководство СССР было заинтересовано в сборе информации, имевшей военный характер: военные аспекты поражения Франции, степень боеготовности войск вермахта и, по возможности, намерения и планы германского командования. Можно предположить, что деятельность военного атташе комбрига И. А. Сулопарова была нацелена на выполнение этой задачи. Большой объем работы возлагался на консульскую службу полпредства в Париже и Ви-

* Богомолов А. Е. На дипломатическом посту в годы войны // Международная жизнь. 1961. № 6. С. 98.

ши. Необходимо было решать вопрос о репатриации выходцев из восточных районов Польши и из прибалтийских стран (в том числе бывших бойцов интернациональных бригад в Испании), которые стали гражданами СССР.

Значимость решаемых задач и объем работы определяли необходимость увеличения состава советского полпредства во Франции. По данным министерства иностранных дел правительства Петена в сентябре 1940 г. в Виши и Париже было 12 советских дипломатов и 25 чел. обслуживающего персонала. В июне 1941 г. советское полпредство насчитывало 25 дипломатов (из них 6 в Париже) и 61 чел. обслуживающего персонала.

В январе 1941 г. МИД Виши поручил французскому послу в Москве «при случае в осторожной форме обратить внимание советских властей на возросшее за последнее время количество просьб о визах для дипломатов и обслуживающего персонала посольства СССР, которое уже имеет численность сотрудников, превышающую численность других дипломатических представительств*».

Однако Петен и его окружение считали целесообразным не только сохранить, но и расширить связи с Москвой. Для французских властей контакты с СССР укрепляли положение режима Виши как субъекта международных отношений. <...>

В записке политического департамента МИД от 30 декабря [1940 г.] предлагалось весь комплекс связей с Советским Союзом рассматривать «в широком плане», имея в виду не только восстановление франко-советской торговли, но предусмотреть улучшение политических отношений, «выждать и сохранить те козыри, которые мы имеем на руках для использования их в будущих переговорах»**.

В расчетах французской дипломатии принималось во внимание несколько соображений. Советский Союз не участвует в европейской войне и как нейтральное государство имеет широкие возможности на международной арене. Москва может оказать определенное влияние при заключении франко-германского мирного договора, СССР может стать выгодным партнером

* Lévêque F. Les relations franco-soviétiques pendant la seconde guerre mondiale (1940–1945). Thèse de doctorat. Ch. 2. Les relations franco-soviétiques sous Vichy. Paris, 1988. P. 99.

** АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 25. Д. 984. Л. 14–15.

в торгово-экономических отношениях. Экономическая разруха, трудности со снабжением населения продовольствием оказывали непосредственное влияние на правительство Петена, толкая его на развитие отношений с СССР. «Разруха — аргумент за дружбу с советской нефтью, бензином, сахаром, крупой, спичками, мылом, шерстью», — писал в письме в НКВД Богомолов. Он считал необходимым пойти навстречу намерениям Виши расширить контакты с Москвой. Советское правительство должно использовать момент для «создания выгодной базы для отношений с Францией в более лучшие времена». По его мнению, «надо использовать ситуацию и закрепить за собой кое-какие экономические позиции во Франции»*.

Советские представители в Виши отмечали, что правительство Петена проводит осторожную политику в отношении к СССР и, несмотря на оголтелый антикоммунизм правящей клики, воздерживается от каких-либо антисоветских акций. В докладе полпреда в НКВД от 5 декабря 1940 г. отмечалось, что правительство Виши отказалось от антисоветского курса Даладье и Рейно. «Теперь антисоветская политика перестала быть модой... сменился тон прессы. Разгром коммунистов и всякого рода гнусности в виде антисемитизма не мешают французским газетам сменить тон по отношению к СССР»**. <...>

...Летом и осенью 1940 г. контакты между Москвой и Виши развивались медленно. Французские дипломаты отмечали определенную двойственность позиции Кремля. С одной стороны, официальные лица в Москве в отношениях с французскими представителями проявляли осторожность и избегали каких-либо заявлений, которые могли бы вызвать недовольство Берлина. Но в то же время сотрудники НКВД старались создать впечатление, что советское руководство относится к Франции, как к суверенному государству. <...>

В октябре 1940 г. заведующий первым западным отделом НКВД А. Е. Богомолов был назначен советником полпредства и поверенным в делах СССР в Виши... Несмотря на то, что назначенный в Виши советский дипломат не получил ранг полно-

* Там же.

** Lévêque F. Les relations franco-soviétiques pendant la seconde guerre mondiale (1940–1945). Thèse de doctorat. Ch. 2. Les relations franco-soviétiques sous Vichy. Paris, 1988. P. 70, 175.

мочного представителя Советского Союза (посла — по принятой на Западе терминологии) и тем самым не было восстановлено равновесие в дипломатическом представительстве Москвы и Виши (Э. Лабонн был официальным послом Франции в СССР), назначение А. Е. Богомолова, который до этого занимал в аппарате НКВД важный пост, было встречено в Виши с удовлетворением. В письме в МИД Франции Лабонн, комментируя назначение Богомолова, писал: «Для Москвы было бы трудно сделать большее. Назначение посла во Францию могло бы вызвать, по мнению советского руководства, нежелательные политические последствия. Я полагаю, что принимая такое решение (назначение Богомолова. — *И. Ч.*) и представляя своему представителю большие полномочия и большой престиж, Москва считает, что сделала уже многое. С другой стороны, авторитет Богомолова по советским меркам позволил бы уже в настоящее время назначить его послом... Эта вероятность скорее всего предусматривается, но маскируется»*.

Сложилась такая ситуация, когда Москва и Виши хотели оставить двери открытыми для контактов. Но, конечно, во взаимоотношениях СССР и режима Виши были особенности, сдерживавшие развитие советско-французских отношений. Для советского руководства было очевидно, что правительство Петена ограничено в своих действиях на международной арене жестким германским контролем, хотя, безусловно, пользуется определенными возможностями для маневра. Москва после военного поражения Франции проявляла осторожность и не высказывала желания начать политическую дискуссию с правительством Петена, но не отказывалась обсуждать конкретные вопросы, затрагивающие интересы сторон.

12 ноября 1940 г. А. Е. Богомолов прибыл в Виши. Первые визиты А. Е. Богомолова в дипломатическое ведомство правительства Петена и к вице-премьеру П. Лавалю создали впечатление о намерении Виши идти на расширение контактов с СССР. Деятельность А. Е. Богомолова как поверенного в делах СССР в Виши способствовала оживлению советско-французских отношений.

Одной из первых задач, которую должен был решить Богомолов, состояла в том, чтобы решить вопрос о репатриации из Фран-

* Lévêque F. Les relations franco-soviétiques pendant la seconde guerre mondiale (1940–1945). P. 122–123.

ции советских граждан — бывших бойцов интернациональных бригад, выходцев из Западной Белоруссии, Западной Украины, Латвии, Литвы и Эстонии. Благодаря большим усилиям полпредства эту задачу в основном удалось решить. <...>

Перспективы улучшения франко-советских отношений порождали в Виши некоторые проекты, реализация которых была весьма сомнительна... В Виши родилась идея о закупке в СССР 50 боевых самолетов и отправке их через Владивосток в Индокитай. <...>

15 февраля 1941 г. во французской прессе было опубликовано решение кассационного суда в Париже об отмене приговора коммерческого трибунала департамента Сены о замораживании ценностей на сумму в 750 млн. франков советского торгпредства во Франции. Таким образом один из спорных вопросов в отношении Москвы и Виши был решен в пользу советской стороны. <...>

В марте советское руководство пошло навстречу правительству Виши и признало целесообразность восстановления советско-французских дипломатических отношений в полном объеме. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о назначении А. Е. Богомолова полномочным представителем Советского Союза во Франции в ранге посла. 25 апреля Богомолов как вновь назначенный полпред (посол) вручил главе французского государства верительные грамоты. В приветственной речи маршал Петен отметил благожелательную позицию СССР в отношении Франции.

В марте 1941 г. правительство Петена приняло решение о назначении нового посла Франции в Москве. Э. Лабонн, считавшийся в дипломатических кругах консерватором, придерживавшимся проанглийской ориентации, был отозван. <...>

В апреле 1941 г. в Москву прибыл новый французский посол Г. Бержери... Французский дипломат подчеркнул, что смена посла в Москве не означает, что Франция намерена возобновить традиционную антигерманскую политику. Неверно и то, что новый посол будет проводить политику, угодную Германии. Политика правительства Виши, говорил Бержери, отвечает интересам Франции. <...>

Новый посол заявил о намерении своего правительства развивать отношения с Россией. Реконструкция Европы, по его мнению, невозможна без Франции, но также невозможна без России или против России. Молотов внимательно выслушал заявление

Бержери и ответил, что ему понятна высказанная послом мысль о роли Франции и СССР*. <...>

15 мая состоялась продолжительная беседа находящегося в Москве полпреда СССР в Виши А. Е. Богомолова с послом Франции Г. Бержери. Советский дипломат стремился выяснить политический курс французского правительства в Европе, состояние и перспективы франко-германского сотрудничества. Бержери ответил, что сотрудничество режима Виши с Германией осуществляется не только в метрополии, но и охватывает всю французскую империю, хотя связи с африканскими колониями затруднены английской блокадой. Развивая политические и экономические отношения с Германией, заявил посол, Франция намерена оставаться экономически и политически независимой страной и категорически отвергает вероятность ее превращения в аграрно-сырьевой придаток германского рейха. Однако он признался, что обстановка оккупации не благоприятна для дружественного сотрудничества. Наменяя на информацию в немецких кругах, Бержери высказал предположение о том, что Германия готовит войну против СССР. На вопрос Богомолова о перспективах советско-французских торговых переговоров посол ответил, что он не получил полномочия вести переговоры**. <...>

22 июня радио Виши объявило о начале советско-германской войны. В тот же день полпред СССР Богомолов нанес визит маршалу Петену, а на следующий день министру обороны генералу Хюнтцигеру³. Встречи прошли в доброжелательной атмосфере по отношению к советскому дипломату. Но на пресс-конференции представителя генерального секретариата информации 22 июня было сделано заявление, которое нельзя было назвать лояльным по отношению к СССР. «Часть французского общественного мнения с удовлетворением встречает борьбу Германии против большевизма», — говорилось на этой пресс-конференции***. В прессе Виши широко пропагандировался тезис, что Германия ведет войну «за сокрушение большевизма за освобождение всей Европы от большевистской опасности», защищая тем самым интересы Франции****.

* Mourin M. Les relations franco-soviétiques (1917–1967). Paris, 1967. P. 257.

** АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 343. Л. 1–2.

*** Там же

**** Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924–1945). М., 1964. С. 169.

Вишистские власти создали так называемый «Антибольшевицкий легион», в который вступили, как отмечалось в обвинительном заключении трибунала по рассмотрению дел фашистских лидеров режима Виши, «продажные элементы и деклассированные лица, неспособные к какой бы то ни было нормальной социальной жизни». В 1941 г. легион насчитывал 4 тыс. чел.*

Для сотрудников советского полпредства было очевидно, что дело идет к официальному разрыву дипломатических отношений между СССР и правительством Виши. По указанию полпреда были срочно сняты деньги со счетов советского представительства в банках, а также началось уничтожение документов.

30 июня А. Е. Богомоллов был вызван в правительство Виши и ему было объявлено о разрыве дипломатических отношений. Полпредство было лишено права посылать в Москву шифротелеграммы.

В этот же день французский посол в Москве Г. Бержери направил в протокольный отдел НКВД письмо, в котором сообщил, что ему поручено решением правительства Виши уведомить советское правительство о разрыве дипломатических отношений. <...>

Сохраняя дипломатические отношения с правительством Петена, Советский Союз не мог официально признать движение «Свободная Франция» и оказывать прямую помощь французскому Сопротивлению. После начала Великой Отечественной войны между Советским Союзом и движением «Свободная Франция» установились тесные политические связи, которые позднее привели к франко-советскому военно-политическому сотрудничеству.

Начался новый этап во взаимоотношениях СССР и Франции. Советско-французские отношения вновь стали важным элементом международных отношений.

* АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 332. Л. 11.